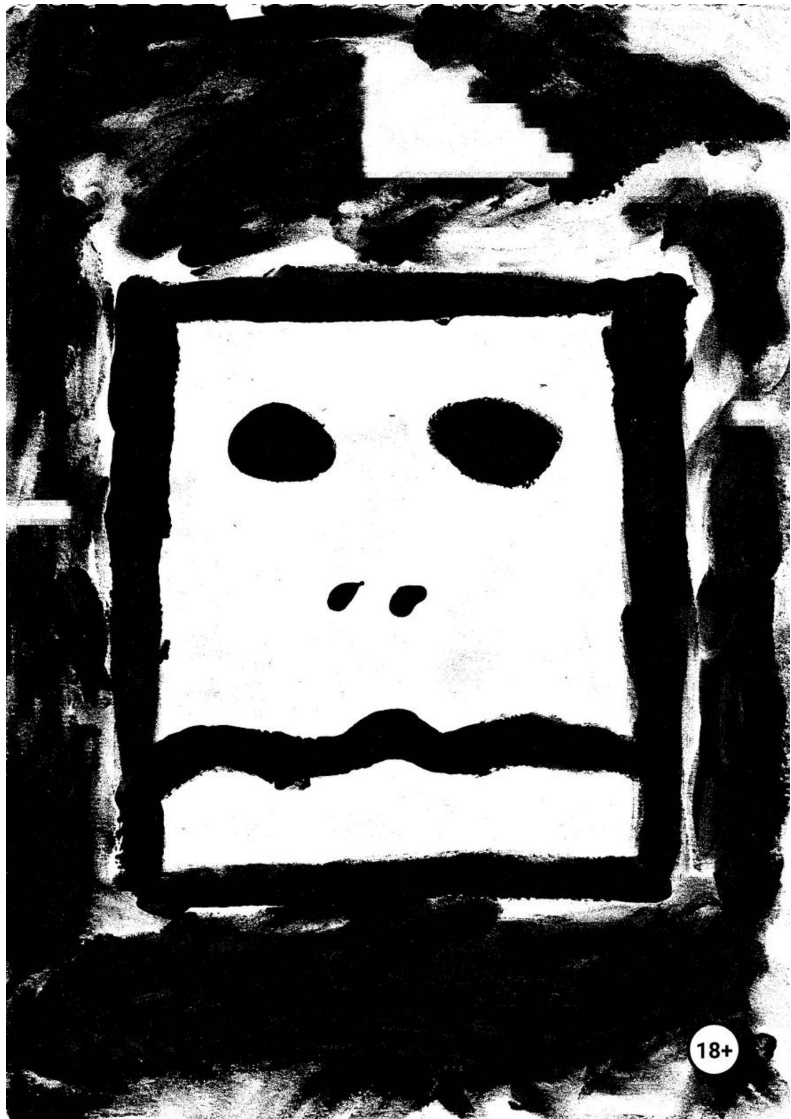

Григорий Двужильный

Реквием по усопшим

<https://litres.ru/74371753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Как рыба задыхается в тухлой воде, так и человек умирает, отказываясь думать и чувствовать. Всю свою письменную историю он говорит об этом. И всё не может пробудиться. Но если перестать говорить, то умрёт сама надежда на пробуждение.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

4
8

Григорий Двужильный

Реквием по усопшим

«А что вам говорю, говорю всем: бодрствуйте»

Евангелие от Марка, 13:37

Предчувствую, что эти строки, ползущие чёрным лабиринтом по белому полотну рукописи, неизбежно окажутся унылыми, удушливыми и даже тягостными. Я никак не могу, да и не хочу этому противостоять в угоду читающему, поскольку охвачен цепким сплином, который, словно ненасытный паук, пьёт мой жизненный сок. Сплин рождён средой, в которую я погружён. Я пытаюсь трепыхаться, но с каждым новым движением, словно глупая агонизирующая муха, всё крепче влипаю в паутину, жертвой которой стал. Среда довлеет надо мной, обезличивает, и мгновение за мгновением обращает к тому состоянию, когда я просто-напросто стану человеком за номером таким-то. И собственный портрет в анфас, словно особое тавро, накрепко пришьётся чёрной нитью к моей груди. Всё тривиально и буднично - я содержащийся под стражей арестант. А вернее, заключённый на пересылке. У нас она называется этапом. Это дорога

из следственного изолятора в исправительную колонию. Дорога, измеряющаяся категориями не столько пространственными, сколько временными. Дорога, охотнее поглощающая дни, нежели километры.

Однако сейчас я не желаю говорить о тюрьмах, этапах и лагерях – у меня на уме другое. Я лишь хочу хотя бы отчасти передать атмосферу, обволакивающую меня день за днём, неделю за неделей, месяц за месяцем. Я закупорен в промозглый бетонный пенал с отхожим местом и дважды зарешённым окном. Для моего досуга пенал населён мокрицами и оборудован радиоточкой. Всё, что исторгает динамик радиоприёмника, оскорбляет мой слух. Но я не могу с этим ничего поделать, поскольку других пленников пенала радиоточка услаждает. Всё, что я вижу, оскорбляет мой взгляд. Потому что оно либо казённо, либо квадратно, либо мокрицы. И только нежно-голубое, подбитое лёгкой ватой белоснежных облаков небо, пусть и нарезанное квадратом решёток, люблю мне. Казённый, ницшеанский дух тяжести реет над местом моего заключения. Вместе с витающей здесь же пыльной взвесью он наполняет меня, и я чувствую, как с каждым новым вдохом он всё сильнее давит мне на грудь. Давит, давит, давит, пока мои веки не начинают тяжелеть. Я проваливаюсь в вязкую дремоту. Остатками меркнувшего сознания я успеваю понять, что знаком с этим духом сыздавна. Всё глубже погружаясь в трясину забытья, я вижу фантомы былого, зримые мною когда-то, в иные времена, и, казалось бы,

давно и навсегда забытые. Они проходят сквозь завесу времени и предстают перед моим внутренним взором в своём магнетизирующем хороводе.

Подчиняясь незыблемому закону Хроноса, от истоков памяти на поверхность сознания поднимается древнейшая, призрачно-мутная от патины времени химера. Пристально вглядываясь в неё, я начинаю видеть её своими прежними глазами – глазами младенца. Я оказываюсь в сумрачной комнате, ворсистой от раскинувшихся в двух измерениях тёмно-коричневых ковров. Застоявшийся воздух пронизан терпким духом старости и более острым запахом фармакопеи. Я один в комнате, но знаю, что где-то там, во внутренних квартирах, хозяйничает строгая и чужая мне старуха – моя двоюродная бабка. Мои родители, мой дом и мои игрушки бесконечно далеки. При мне только тоска по ним. Кажется, само время покинуло эти пропитанные тленьем стены, навечно оставив меня их пленником. Сомнамбулически цепenea, я оглядываю свою темницу в поисках цвета, радости, жизни, - но взгляд беспомощно скользит по глянцу лакированной, аскетично официальной мебели, упираясь в землистые стены, - словно в стены звериной западни. Единственное, на чём удаётся сфокусироваться, это жёлтое пятно настольной лампы, внутри которого тускло отсвечивает нечто прозрачно-слидянистое, вызывающее мой вымученный невольный интерес. Я делаю робкий шаг, делаю другой и третий, не отводя глаз от заинтересовавшего предме-

та. Детская интуиция привела меня к единственному сокровищу мрачной комнаты: преодолевая страх разгневать старуху, я беру со стола странный стеклянный ромбик на деревянной подставке – несомненно, единственную, а потому крайне ценную игрушку хозяйки, - и всматриваюсь в него. Там, в прозрачной глубине, я вижу заледенелый огрызок какого-то человека: его лысую, отороченную полумесяцем коротко стриженных волос голову с клиновидной бородкой и верхнюю долю грудной клетки без рук, а за ним – стоящий стеной дремучий лес. Но кто мог отнять у него тело? Может быть, спрятавшиеся среди лесных елей волки? Но нет, больно ровные края плоти - совсем непохоже на работу клыков... Ну конечно! Его вы-пи-ли-ли! Не волки, а дровосек со страшной двуручной пилой укрылся в ельнике. Там, на укромной полянке, он, покряхтивая, зачем-то расчленил задеревеневшее от мороза мёртвое тело, а после выволок чудовищный свой опилок на разметавшееся перед лесом заснеженное поле...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.